
Милана Моррис
Второй шанс на счастье
A Second Chance at Happiness
Иногда, чтобы начать новую жизнь, нужно просто поверить в любовь...

Милана Моррис

Второй шанс на счастье

«Автор»
2026

Моррис М.

Второй шанс на счастье / М. Моррис — «Автор», 2026

После двадцати лет брака Эмма Ричардсон остаётся перед лицом новой реальности: развод, опустевший дом и необходимость заново понять, кто она без привычных ролей жены и матери.Вместо того чтобы цепляться за прошлое, Эмма принимает предложение о работе в Португалии. Лиссабон становится для неё местом перемен, профессионального возрождения, новых знакомств и неожиданного чувства. Но сможет ли она позволить себе быть счастливой, не испытывая вины перед теми, кого оставила в Лондоне?Милана Моррис переосмысливает формулу «Ешь. Молись. Люби», превращая её в историю о женщине, которая решается есть, мечтать, действовать и любить. О том, что после сорока жизнь не заканчивается, развод не перечёркивает прожитые годы, а счастье не обязательно искать в прошлом.«Второй шанс на счастье» — роман о смелости начать заново, услышать собственные желания и однажды выбрать не только близких, но и себя.

© Моррис М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Жизнь после нас 12
Глава 4. Город, который не задавал вопросов 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Милана Моррис
Второй шанс на счастье

Глава 1. День, когда всё изменилось

В тот день Эмма Ричардсон впервые за много лет не знала, что приготовить на ужин.

Это могло показаться странным, учитывая, что она готовила для своей семьи почти двадцать лет. Знала, сколько времени нужно запекать лосося, как Джеймс любит кофе по утрам, почему Оливия никогда не ест помидоры, а Дэниел до сих пор предпочитает домашнюю пасту всем изысканным блюдам, которые пробовал в ресторанах.

Она знала множество вещей о людях, которых любила.

Но в последнее время всё чаще ловила себя на мысли, что почти ничего не знает о себе.

За окном кухни моросил мелкий лондонский дождь. Капли стекали по стеклу, оставляя тонкие прозрачные дорожки. На противоположной стороне улицы мужчина в тёмном пальто пытался раскрыть зонт, который упрямо выворачивало ветром. На тротуаре девочка в жёлтом дождевике перепрыгивала через лужи, а её мать, придерживая сумку на плече, безуспешно пыталась заставить её идти быстрее.

Обычный вечер. Обычная улица. Обычная жизнь.

Эмма стояла у кухонного острова с чашкой остывшего чая и смотрела на всё это так, словно наблюдала за чужим фильмом.

Ей было сорок два года. Она не считала себя несчастной женщиной. У неё был просторный дом в одном из спокойных районов Лондона, двое детей, которые уже почти выросли, муж с хорошей работой и достатком, позволявшим не думать о счетах. В доме всегда было тепло, на столе стояли свежие цветы, а в шкафу висели вещи, которые она покупала не потому, что нуждалась в них, а потому, что могла себе это позволить.

Если бы кто-нибудь спросил её, чего ей не хватает, она, вероятно, не смогла бы ответить.

Именно это пугало сильнее всего.

Она поставила чашку в раковину и посмотрела на часы. Без десяти семь.

Джеймс должен был вернуться около половины восьмого. В последние месяцы он всё чаще задерживался на работе, хотя прежде старался приходить домой к ужину. Эмма не задавала вопросов. Не потому, что не замечала перемен, а потому, что между ними постепенно образовалось пространство, в которое оба предпочитали не заглядывать.

Их брак не разрушался громко.

В нём не было постоянных ссор, хлопающих дверей, подозрительных звонков и сцен ревности. Не было и другой женщины, о которой Эмма могла бы догадаться по чужим духам на рубашке или неожиданным командировкам.

Было нечто гораздо менее заметное.

Джеймс перестал спрашивать, как прошёл её день. Эмма перестала рассказывать. Они всё ещё обсуждали покупки, счета, семейные праздники и планы на выходные, но разговоры стали напоминать хорошо отлаженную систему обмена информацией.

Иногда, лежа рядом с мужем, она вспоминала, как раньше могла разговаривать с ним до трёх часов ночи. Как они смеялись над глупостями, спорили о фильмах, строили планы, которые казались им бесконечными. Как однажды Джеймс приехал за ней через весь город только потому, что она сказала по телефону, что у неё был плохой день.

Тогда ей казалось, что любовь — это когда человек чувствует твою печаль даже на расстоянии.

Теперь он мог сидеть напротив неё за ужином и не замечать, что она почти не притронулась к еде.

Эмма поднялась наверх, чтобы переодеться. Она выбрала тёмно-синее платье, собрала волосы и нанесла немного помады. Не было никакого особенного повода выглядеть лучше обычного. Просто ей хотелось почувствовать, что она всё ещё может нравиться себе в зеркале.

В последнее время это желание возникало всё чаще.

Она задержала взгляд на собственном отражении.

Лицо было знакомым, но будто немного чужим. У глаз появились тонкие линии, которых раньше она не замечала. Волосы стали светлее не только из-за солнечных прядей, которые она делала в салоне. На лбу обозначилась складка, появлявшаяся всякий раз, когда Эмма задумывалась.

Она не боялась возраста. Её никогда не пугали цифры.

Её пугала мысль, что однажды она оглянется и поймёт: лучшие годы прошли не потому, что жизнь оказалась слишком короткой, а потому, что она слишком долго откладывала её на потом.

Внизу хлопнула входная дверь.

— Эмма?

— Я здесь!

Джеймс появился в дверях спальни спустя несколько минут. Он снял пиджак и ослабил галстук. В его тёмных волосах уже заметно серебрилась седина, а лицо сохраняло ту спокойную уверенность, которая когда-то так привлекала её.

— Ты куда-то собираешься? — спросил он.

— Нет. Просто переоделась к ужину.

— Выглядишь прекрасно.

Он произнёс это искренне, но уже направлялся к шкафу, чтобы повесить пиджак.

Эмма улыбнулась.

— Спасибо.

Она ждала, что он посмотрит на неё ещё раз, может быть, подойдёт ближе, коснётся плеча. Но Джеймс только спросил, не пришло ли письмо из страховой компании.

— Нет, — ответила она. — Я проверяла почту утром.

— Хорошо.

Он ушёл в ванную.

Эмма осталась перед зеркалом, чувствуя странное разочарование, которое не могла объяснить даже самой себе.

За ужином они говорили о детях.

Оливия прислала сообщение из университета: собиралась провести несколько дней у подруги в Эдинбурге. Дэниел, которому недавно исполнилось двадцать, готовился к собеседованию на стажировку и просил отца посмотреть его резюме.

— Я думаю, ему стоит попробовать, — сказал Джеймс, разрезая мясо. — Даже если не получится, опыт будет полезным.

— Он волнуется.

— Это нормально.

— Ты поговоришь с ним завтра?

— Конечно.

Эмма кивнула.

Она рассказывала о том, что в субботу нужно купить подарки к дню рождения сестры Джеймса, что садовник предложил заменить несколько растений у входа, что в гостиной опять начала мигать лампа.

Джеймс слушал, время от времени задавая короткие вопросы.

Всё было привычно. Почти уютно.

И вдруг Эмма поняла, что не помнит, когда в последний раз они говорили о чём-то, что касалось только их двоих.

Не о детях. Не о доме. Не о планах на отпуск.

О них.

— Джеймс, — сказала она, отложив вилку.

Он поднял глаза.

— Да?

— Ты счастлив?

Вопрос прозвучал неожиданно даже для неё самой.

Джеймс не сразу ответил. Он посмотрел на неё внимательнее, словно пытался понять, что именно она хочет услышать.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

— У нас всё хорошо, Эмма.

Она едва заметно улыбнулась.

— Я не спрашивала, всё ли у нас хорошо.

Он положил нож рядом с тарелкой.

— Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Ничего особенного. Просто ответь.

Джеймс отвёл взгляд к окну. За стеклом дождь стал сильнее. В свете уличного фонаря блестел мокрый асфальт.

— Я думаю, что у нас была хорошая жизнь, — произнёс он наконец.

— Была?

Он помолчал.

— Эмма, я не хочу сегодня ссориться.

— Я тоже.

Она сказала это спокойно. И именно спокойствие, кажется, заставило его насторожиться.

— Давай не будем, — попросил он.

Эмма кивнула и снова взяла вилку.

Но ужин уже потерял вкус.

Позднее Джеймс попросил её зайти в гостиную.

Он сидел на диване, не включив телевизор. На журнальном столике стояли два бокала воды. Один он придвинул к свободному месту рядом с собой.

Эмма села.

Она сразу поняла, что разговор, которого они избегали последние месяцы, всё-таки состоится.

— Я много думал, — начал Джеймс.

Эти слова никогда не обещали ничего хорошего.

— О чём?

Он провёл ладонью по лицу.

— О нас. О том, как мы живём. О том, что происходит между нами.

Эмма смотрела на него и чувствовала, как внутри постепенно нарастает холод.

— И что ты решил?

— Я не знаю, как правильно это сказать.

— Скажи как есть.

Джеймс долго молчал.

— Мне кажется, нам нужно расстаться.

В комнате стало очень тихо.

Где-то за стеной работали часы. Эмма слышала их отчётливый, почти раздражающий ход. Тик. Тик. Тик.

Она смотрела на мужа, ожидая, что он добавит что-нибудь ещё. Что объяснит, что это не окончательное решение, что он устал, что им нужно отдохнуть друг от друга, что всё можно исправить.

Но Джеймс не произнёс ничего подобного.

— Ты хочешь развестись? — спросила она.

— Да.

Она опустила глаза на свои руки. На безымянном пальце блестело обручальное кольцо. Она носила его так долго, что иногда почти забывала о его существовании.

— Есть кто-то другой?

— Нет.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда почему?

Джеймс тяжело выдохнул.

— Потому что я больше не чувствую себя частью нашего брака. Мы давно живём как люди, которые хорошо знают привычки друг друга, но почти ничего не знают о том, что происходит внутри. Я не хочу провести остаток жизни, притворяясь, что этого достаточно.

Эмма почувствовала, как к горлу подступает ком.

— Ты думаешь, я притворяюсь?

— Нет. Я думаю, мы оба.

Она отвернулась.

Ей хотелось разозлиться. Спросить, почему он не сказал этого раньше. Почему позволил ей столько лет считать, что их отношения просто переживают непростой период. Почему решил, что вправе одним вечером изменить всё, что они строили двадцать лет.

Но вместо гнева пришла усталость.

Глубокая, почти физическая.

— Ты давно об этом думаешь?

— Несколько месяцев.

— И всё это время ты ничего не говорил?

— Я пытался разобраться.

— Один?

Джеймс опустил голову.

— Да.

Эмма коротко усмехнулась, но в этом звуке не было веселья.

— Понятно.

— Я не хотел причинять тебе боль.

— Но ты всё равно причинил.

Он посмотрел на неё.

— Знаю.

И вдруг она поняла, что самое страшное в этом разговоре даже не то, что Джеймс хочет уйти.

Он не ненавидел её. Не обвинял. Не пытался сделать виноватой. Он говорил о конце их брака так, словно долго носил в себе эту мысль, примерял её к разным обстоятельствам и наконец пришёл к выводу, что другого решения нет.

Эмма не могла найти в его словах ни одной удобной причины для ненависти.

А ненавидеть было бы легче.

— Что теперь? — спросила она.

— Я думаю, нам нужно пожить отдельно. Спокойно всё обсудить. Не втягивать детей в наши разногласия.

— Они уже взрослые, Джеймс.

— Но всё равно наши дети.

— Да. Наши.

Она поднялась с дивана.

— Я не готова сейчас обсуждать детали.

— Конечно.

Эмма направилась к лестнице, но у двери остановилась.

— Ты когда-нибудь любил меня?

Джеймс поднял голову.

Вопрос оказался настолько неожиданным, что на его лице впервые за вечер появилось настоящее замешательство.

— Эмма…

— Я не прошу красивого ответа. Просто скажи правду.

Он встал.

— Я любил тебя. Очень сильно. И не думаю, что всё это исчезло.

— Тогда что исчезло?

Джеймс долго смотрел на неё.

— Наверное, мы перестали замечать друг друга.

Эмма ничего не ответила.

Она поднялась наверх и закрыла за собой дверь спальни.

В ту ночь она почти не спала.

Джеймс остался в гостевой комнате. Эмма слышала, как он несколько раз проходил по коридору, открывал шкаф, спускался на кухню. Около двух часов ночи внизу ненадолго включился свет.

Она лежала на спине и смотрела в потолок.

Двадцать лет.

Двадцать лет совместных завтраков, семейных поездок, школьных праздников, больничных коридоров, рождественских вечеров, отпусков и обычных понедельников.

Она вспомнила, как родилась Оливия. Как Джеймс держал на руках крошечную дочь и не мог поверить, что теперь они родители. Как они впервые привезли Дэниела домой и спорили, кто должен вставать к нему ночью. Как однажды зимой сломалась машина, и Джеймс шёл несколько километров по снегу, чтобы купить ей лекарство.

Разве всё это можно назвать несчастливой жизнью?

Разве любовь должна оставаться такой же, как в первые годы?

Эмма повернулась на бок.

Ей вдруг захотелось позвонить матери.

Это желание возникло настолько резко, что она даже приподнялась на подушке.

Но матери не было уже три года.

Она вспомнила её голос, привычку говорить по телефону немного громче, чем требовалось, и странную способность замечать грусть даже в самых обычных фразах.

«Ты всё время заботишься о том, чтобы всем было хорошо, Эмма. А кто-нибудь когда-нибудь спрашивает, хорошо ли тебе самой?»

Тогда Эмма смеялась и отвечала, что у неё всё прекрасно.

Теперь ей было нечего сказать в ответ.

Утром она проснулась раньше будильника.

В доме было тихо. Джеймс уже ушёл, оставив на кухонном столе записку: «Уехал пораньше. Поговорим вечером».

Эмма долго смотрела на эти три слова.

Поговорим вечером.

Словно речь шла о покупке нового холодильника или выборе отеля для летнего отпуска.

Она поставила чайник, открыла окно и впустила холодный воздух. На улице пахло мокрыми листьями и свежим хлебом из маленькой пекарни на углу.

Её телефон лежал рядом с вазой.

Несколько сообщений от детей. Уведомление из банка. Напоминание о встрече, которую она назначила ещё неделю назад.

И письмо.

Отправитель — Клэр Уитмор.

Эмма не сразу вспомнила, где слышала это имя. Потом открыла сообщение и увидела фотографию женщины с короткими светлыми волосами, стоявшей на фоне огромных окон какого-то выставочного пространства.

Клэр была её бывшей коллегой. Много лет назад они вместе работали в небольшом культурном фонде, занимавшемся организацией выставок и международных мероприятий. Тогда Эмма всерьёз мечтала построить карьеру в этой сфере. Она любила искусство, умела находить общий язык с художниками и партнёрами, могла часами заниматься подготовкой выставок, не замечая времени.

После рождения Дэниела она перешла на неполную занятость. Потом появились новые обязанности, школьные расписания, семейные поездки. Её работа постепенно стала чем-то второстепенным.

Она не ушла из профессии в один день.

Просто однажды перестала возвращаться к ней.

Эмма открыла письмо.

«Дорогая Эмма!

Надеюсь, у тебя всё хорошо. Я знаю, что прошло немало времени, но недавно мы обсуждали новый культурный проект в Португалии, и я сразу подумала о тебе.

Речь идёт о международном фестивале современного искусства и музыки, который будет проходить в Лиссабоне и нескольких городах побережья. Нам нужен человек, способный координировать организационную команду, работать с участниками и партнёрами и держать в руках весь проект.

Это большая ответственность, но я помню, как ты умеешь работать.

Позиция предполагает переезд в Лиссабон на несколько месяцев. Начало подготовки — через шесть недель.

Я понимаю, что предложение неожиданное, но мне кажется, ты могла бы стать именно тем человеком, который нам нужен.

Если тебе интересно, давай созвонимся.

Обнимаю,Клэр».

Эмма перечитала письмо.

Потом ещё раз.

Лиссабон.

Она представила город, в котором никогда не жила. Улицы с жёлтыми трамваями, старые фасады, широкие площади, запах кофе, океанский воздух. Представила незнакомую квартиру, в которой никто не будет ждать от неё ужина к определённому часу. Незнакомую работу, где её будут оценивать не как чью-то жену или мать, а как специалиста.

И впервые за долгое время почувствовала не страх, а любопытство.

Оно было почти забытым.

Эмма села за стол и положила телефон рядом с чашкой.

Она могла ответить Клэр, что сейчас неподходящее время. Что у неё семейные обстоятельства. Что она давно не занималась такими проектами и, вероятно, уже не сможет работать в прежнем темпе.

Могла написать любое из этих предложений.

Все они звучали разумно.

Все они были знакомыми.

Она открыла новое сообщение.

«Клэр, спасибо, что вспомнила обо мне. Предложение звучит интересно. Я хотела бы узнать больше о проекте и условиях работы. Когда тебе будет удобно поговорить?»

Эмма задержала палец над кнопкой отправки.

Потом нажала.

Сообщение ушло.

Ничего особенного не произошло. За окном всё так же моросил дождь. Чайник щёлкнул, отключаясь. На улице кто-то сигналил, а соседская собака громко лаяла у ворот.

Но Эмма вдруг ощутила, что внутри неё что-то сдвинулось.

Не исчезла боль. Не стало легче от мысли о разводе. Она всё ещё любила Джеймса — или, по крайней мере, ту часть их жизни, которую они когда-то делили. Её пугало будущее, пугало одиночество, пугала необходимость объяснять детям, что их семья больше не будет прежней.

Но рядом со страхом появилось что-то ещё.

Возможность.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном стекле окна. Женщина за сорок, в домашней блузке, с небрежно собранными волосами и чашкой чая в руках.

Такая обычная.

Такая растерянная.

И всё же в её взгляде впервые за долгое время появилось ожидание.

Эмма не знала, что будет дальше. Не знала, сможет ли работать в Португалии, справится ли с переменами, захочет ли когда-нибудь снова довериться мужчине.

Она даже не знала, захочет ли когда-нибудь снова влюбиться.

Но впервые за много лет она подумала о будущем не как о продолжении уже существующей жизни.

А как о чём-то, что ещё только предстояло создать.

И, возможно, именно в этом заключался первый шаг к счастью.

Не в том, чтобы найти кого-то нового.

А в том, чтобы наконец перестать терять себя.

Глава 2. Жизнь после нас

Утром Эмма проснулась от звука кофемашины.

Несколько секунд она лежала неподвижно, глядя на полоску света, пробивавшуюся сквозь неплотно задёрнутые шторы. Ей понадобилось время, чтобы вспомнить, почему в доме так непривычно тихо и почему на соседней половине кровати никого нет.

Потом она вспомнила.

Джеймс. Разговор в гостиной. Его спокойный голос. Слова, которые теперь невозможно было сделать несказанными.

Они расстаются.

Эмма медленно села на кровати. За окном было серое ноябрьское утро. Ветер покачивал ветви дерева, росшего возле ограды, а на крыше соседнего дома блестела вчерашняя дождевая вода.

Она провела ладонями по лицу и посмотрела на часы. Половина восьмого.

Раньше в это время она уже успевала проверить почту, приготовить завтрак и напомнить Дэниелу, что он забыл забрать из химчистки пальто. Сегодня ей не нужно было никого будить и никуда торопиться.

Это ощущение оказалось странным. Не свободой, нет. Скорее паузой, в которой она ещё не понимала, что должна делать дальше.

Внизу послышались шаги.

Эмма накинула халат и спустилась.

Джеймс стоял у кухонного острова в белой рубашке. Рядом с ним лежали ключи от машины, телефон и кожаная папка. Он пил кофе, просматривая сообщения.

— Доброе утро, — произнёс он.

— Доброе.

Он поднял глаза.

— Ты спала?

— Немного.

— Я тоже.

Эмма достала из шкафа чашку. Раньше они всегда пили кофе вместе. Джеймс готовил его по утрам, а она ставила на стол тарелку с тостами, фруктами и йогуртом. Это был маленький ритуал, который пережил даже самые напряжённые периоды их жизни.

Теперь они стояли в одной кухне, но каждый словно занимал отдельную территорию.

— Я подумал, нам стоит поговорить о практических вещах, — сказал Джеймс.

Эмма повернулась к нему.

— Уже?

— Я не хочу, чтобы мы оставляли всё неопределённым.

— А я не хочу принимать решения на следующий день после того, как ты сообщил мне, что наш брак закончен.

Джеймс опустил чашку.

— Я понимаю.

— Не уверена.

Она налила себе кофе и села за стол.

— Ты уже решил, где будешь жить?

— Пока нет. Я могу остаться здесь, если тебе будет спокойнее. Или снять квартиру.

— Это мой дом?

— Наш дом, Эмма.

Она посмотрела на него.

— Тогда почему ты говоришь о нём так, будто мы обсуждаем имущество после завершённой сделки?

Джеймс помолчал.

— Потому что я пытаюсь быть практичным. Мне кажется, сейчас это необходимо.

— Возможно. Но я пока не готова обсуждать, кому достанется диван и кто будет оплачивать страховку.

— Я не об этом.

— А о чём?

Он провёл пальцами по краю чашки.

— О том, как мы будем жить дальше. Я не хочу, чтобы мы превращали расставание в войну.

Эмма едва заметно улыбнулась.

— Удивительно. Я даже не успела понять, что мы расстаёмся, а ты уже беспокоишься о том, чтобы всё прошло цивилизованно.

— Я не хочу причинять тебе ещё больше боли.

— Тогда, возможно, тебе стоило поговорить со мной до того, как ты принял решение.

Он не ответил.

В этот момент зазвонил телефон Джеймса. Он взглянул на экран и извинился.

— Мне нужно ехать. Встреча перенеслась на более раннее время.

Эмма кивнула.

Он надел пиджак, взял папку и направился к двери. Уже на пороге остановился.

— Вечером я вернусь пораньше. Нам действительно нужно всё обсудить.

— Хорошо.

— И, Эмма…

Она подняла голову.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто двадцать лет ничего для меня не значили.

Она долго смотрела на него.

— Я не думаю, что они ничего не значили, Джеймс. Я просто не понимаю, что они теперь значат.

Он хотел что-то сказать, но передумал.

Дверь закрылась.

Эмма осталась одна.

В девять позвонила Оливия.

— Мам, ты дома?

— Да, милая. А что случилось?

— Ничего. Просто хотела узнать, как ты.

Эмма улыбнулась. Дочь звонила ей почти каждый день, но обычно их разговоры начинались с просьб: найти номер врача, отправить фотографию документа, напомнить о семейном событии или помочь выбрать подарок.

Сегодня голос Оливии звучал иначе.

— Всё хорошо, — ответила Эмма.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Папа вчера написал мне странное сообщение.

Эмма закрыла глаза.

Вот и началось.

— Что он написал?

— Что у вас с ним сложный период и что вы, возможно, какое-то время будете жить отдельно.

Эмма подошла к окну.

— Мы поговорили, Оливия.

— О чём?

— О нашем браке.

— Мам…

В голосе дочери появилось беспокойство.

— Вы разводитесь?

Эмма не хотела произносить это слово по телефону. Ей хотелось видеть лицо дочери, иметь возможность обнять её, если она расстроится.

Но откладывать правду тоже не имело смысла.

— Похоже, да.

На другом конце линии наступила тишина.

— Почему?

— Это сложный вопрос.

— Но вы же столько лет вместе.

— Я знаю.

— Вы даже никогда не ссорились по-настоящему.

Эмма невольно усмехнулась.

— Поверь, отсутствие ссор ещё не означает, что у людей всё хорошо.

— Я не понимаю.

— И не обязана понимать прямо сейчас. Мы с папой поговорим с тобой, когда ты приедешь домой.

— Ты плакала?

— Немного.

— Мам, мне приехать?

— Нет, дорогая. У тебя занятия. Я справлюсь.

— Ты всегда так говоришь.

Эмма почувствовала, как что-то болезненно сжалось у неё в груди.

— Потому что обычно справляюсь.

— Но ты не должна всё время справляться одна.

Эмма прикрыла глаза.

Иногда дети замечают то, чего родители не замечают в себе. Или не хотят замечать.

— Я знаю, милая.

Они ещё немного поговорили. Оливия рассказала о подруге, которая собиралась переехать в Шотландию, о преподавателе, который неожиданно изменил сроки сдачи проекта, и о том, что в университете началась подготовка к зимнему благотворительному вечеру.

Эмма слушала и старалась не возвращаться мыслями к разговору с Джеймсом.

Когда они попрощались, она ещё долго держала телефон в руке.

Ей хотелось позвонить сыну, но она решила подождать вечера. Дэниел не любил неожиданные серьёзные разговоры и мог отреагировать слишком резко, если почувствует, что от него что-то скрывают.

Эмма не хотела превращать детей в посредников между собой и мужем.

Они и так слишком много лет были свидетелями того, как родители постепенно отдалялись друг от друга, даже не понимая этого.

После полудня Эмма поехала в город.

Она не планировала ничего покупать. Просто не хотела оставаться дома, где каждая вещь напоминала о привычной жизни.

На улице было холодно. Лондон выглядел особенно сдержанным в это время года: мокрые тротуары, тёмные фасады, спешащие люди, витрины магазинов, в которых уже появлялись первые рождественские украшения.

Эмма оставила машину на подземной парковке и прошла несколько кварталов пешком.

Она зашла в небольшое кафе, заказала капучино и села у окна.

За соседним столиком две женщины обсуждали поездку в Италию. Одна показывала фотографии отеля, другая смеялась, рассматривая снимки узких улочек и террас, увитых зеленью.

Эмма невольно посмотрела на экран их телефона.

На фотографии был город, который она узнала не сразу. Белые здания, терракотовые крыши, зелёные холмы и широкая река.

Португалия.

Она вспомнила письмо Клэр.

Лиссабон. Фестиваль. Несколько месяцев работы.

Вчера эта возможность показалась ей почти нереальной. Сегодня она уже не выглядела такой далёкой.

Эмма достала телефон и открыла переписку.

Клэр ответила утром:

«Эмма, я очень рада, что ты заинтересовалась. Давай созвонимся завтра в одиннадцать. Я расскажу подробнее о проекте, команде и сроках. Думаю, тебе понравится».

Эмма перечитала сообщение.

Завтра.

Ещё недавно она могла бы отказаться, сославшись на семейные обстоятельства. У неё всегда находились причины не менять привычный порядок вещей.

Джеймсу было удобнее, чтобы она оставалась дома. Детям требовалось внимание. Семейные праздники нуждались в организации. Дом требовал заботы.

Никто не запрещал ей работать.

Никто не говорил, что она не имеет права на собственные желания.

Просто со временем она сама научилась отодвигать их на второй план.

Эмма сделала глоток кофе и открыла браузер.

Она набрала в поисковой строке: «Лиссабон — жизнь, районы, аренда квартир».

На экране появились фотографии старых улиц, площадей и домов с цветными фасадами. Она стала рассматривать их с неожиданным интересом.

В одном из районов на фотографии стоял небольшой балкон с чёрными коваными перилами. На нём помещались два стула, круглый столик и несколько горшков с растениями. За домами виднелась река.

Эмма задержала взгляд.

Она представила, как утром выходит на этот балкон с чашкой кофе. Как слышит незнакомую речь на улице, как выбирает дорогу до работы, как возвращается домой после долгого дня и не должна ни перед кем отчитываться, почему задержалась.

Эта картина показалась ей одновременно пугающей и удивительно привлекательной.

Она отложила телефон.

Нельзя было принимать решения только потому, что муж решил уйти. Нельзя было превращать Португалию в красивую декорацию для бегства от собственной жизни.

Если она согласится, то должна сделать это ради работы. Ради интереса. Ради себя.

Не назло Джеймсу.

Не ради того, чтобы доказать детям, что она способна начать всё заново.

И уж точно не ради какого-то мужчины, которого ещё даже не встретила.

Эта мысль заставила её улыбнуться.

Она допила кофе и вышла на улицу.

Дэниел приехал около семи.

Он вошёл в дом с большим рюкзаком, поставил его у лестницы и сразу направился на кухню.

— Мам, есть что-нибудь поесть?

— Конечно. Я приготовила пасту.

— Отлично.

Он открыл холодильник, достал бутылку воды и выпил почти половину.

Дэниел был похож на Джеймса больше, чем ему самому хотелось признавать. Те же тёмные волосы, та же привычка хмуриться, когда он сосредоточен, и та же уверенность в том, что любую проблему можно решить, если достаточно долго над ней думать.

Но характер у него был мягче. Он мог долго спорить, а потом неожиданно обнять мать просто потому, что заметил её усталость.

— Папа сказал, что вы поговорили, — произнёс он, доставая тарелку.

Эмма остановилась у плиты.

— Он уже рассказал тебе?

— Не всё. Только что у вас проблемы.

— Мы действительно поговорили.

— И?

Она выключила конфорку.

— Мы решили расстаться.

Дэниел перестал двигаться.

— Подожди. Что?

— Мы с папой разводимся.

— Почему?

Эмма вздохнула.

— Иногда люди понимают, что больше не могут быть вместе так, как раньше.

— Но вы же… Вы всегда были вместе.

— Да.

— Это как-то странно.

— Для меня тоже.

Он сел за стол, отодвинув тарелку.

— Это из-за меня и Оливии? Мы что-то сделали?

Эмма сразу подошла к нему.

— Нет. Даже не думай об этом.

— Просто…

— Дэниел, послушай меня. Это решение между мной и папой. Вы не виноваты. Никогда не были виноваты и не можете быть причиной того, что происходит между взрослыми людьми.

Он опустил глаза.

— Я просто не хочу, чтобы всё изменилось.

Эмма села напротив.

— Я тоже этого не хотела.

— Тогда почему вы не попробуете всё исправить?

Она не сразу нашла ответ.

Ей хотелось сказать, что они уже слишком долго жили рядом, не замечая друг друга. Что Джеймс давно перестал видеть в ней женщину, а она сама не понимала, что происходит с её собственной жизнью.

Но это были их взрослые разговоры, и Дэниелу не следовало становиться их участником.

— Мы попробуем понять, что будет лучше для всех, — сказала она.

— А ты как?

— Что я?

— Ты хочешь разводиться?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

Эмма посмотрела на сына.

— Я не знаю, чего хочу прямо сейчас. Но я знаю, что не хочу продолжать жить так, будто ничего не происходит.

Дэниел кивнул.

— Понятно.

Он потянулся за вилкой, но есть не начал.

— Папа останется здесь?

— Пока мы ничего не решили.

— А ты?

— Я тоже пока не знаю.

Сын посмотрел на неё.

— Ты ведь не уедешь куда-нибудь?

Эмма замерла.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто не хочу, чтобы мы все разъехались по разным местам. Ты здесь, папа где-нибудь ещё, Оливия в университете…

Она протянула руку через стол и коснулась его пальцев.

— Даже если что-то изменится, я никуда не исчезну из вашей жизни.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он наконец начал есть.

Эмма смотрела на него и понимала, что развод не будет событием, которое коснётся только её и Джеймса. Он изменит привычное представление всей семьи о доме, праздниках, выходных и будущем.

Она не хотела причинять детям боль.

Но не хотела и показывать им, что взрослый человек обязан оставаться в несчастливой жизни только ради сохранения привычной картины.

Возможно, когда-нибудь они поймут.

А пока ей предстояло научиться самой.

Вечером Джеймс вернулся раньше обычного.

Эмма услышала, как он вошёл, поговорил с Дэниелом и поднялся наверх. Через некоторое время он спустился и остановился в дверях кухни.

— Нам нужно поговорить.

— Я помню.

Дэниел уже ушёл к себе. Эмма мыла посуду после ужина.

— Я подумал, что на первое время могу пожить в квартире возле офиса. У нас есть свободная квартира, которую компания использует для приезжих сотрудников.

Она выключила воду.

— Ты уже всё организовал?

— Я просто выяснил, возможно ли это.

— Конечно.

— Это временно.

Эмма вытерла руки полотенцем.

— Джеймс, я не собираюсь удерживать тебя здесь.

— Я не об этом.

— Тогда о чём?

Он сел за стол.

— Я хочу, чтобы мы сохранили нормальные отношения. Чтобы могли встречаться с детьми, отмечать праздники, разговаривать без напряжения.

— Ты хочешь, чтобы после развода мы продолжали вести себя как прежде?

— Нет. Я хочу, чтобы мы не стали чужими.

Эмма прислонилась к столешнице.

Ей было трудно понять, почему он так настойчиво заботился о том, какими они останутся после расставания, когда почти не пытался разобраться в том, какими они стали до него.

— Я не знаю, получится ли у нас, — сказала она.

— Я тоже.

Он посмотрел на неё и вдруг спросил:

— Ты уже решила, что будешь делать дальше?

Эмма на мгновение задумалась.

— Мне предложили работу.

Джеймс поднял брови.

— Какую?

— В Португалии. В Лиссабоне. Международный культурный фестиваль. Координация проекта.

— В Португалии?

— Да.

— Это надолго?

— Несколько месяцев.

Джеймс откинулся на спинку стула.

— Я даже не знал, что ты рассматриваешь такие предложения.

— Я тоже не знала до вчерашнего дня.

— Ты хочешь уехать?

— Пока не решила. Завтра поговорю с Клэр и узнаю подробности.

Он кивнул, но Эмма заметила, как изменилось его лицо.

— Ты давно хотела вернуться к работе в этой сфере, — произнёс он.

— Да.

— Помню.

Она посмотрела на мужа.

Ей вдруг стало интересно, действительно ли он помнил. Помнил ли те вечера, когда она рассказывала ему о выставках, художниках и проектах, о которых мечтала. Или просто знал этот факт так же, как знал, где лежат запасные ключи от машины.

— Я рада, что ты помнишь, — сказала она.

— Я не хочу, чтобы ты принимала решение на эмоциях.

— Я не собираюсь этого делать.

— Хорошо.

Он встал, собираясь уйти, но Эмма остановила его:

— Джеймс.

— Да?

— Когда ты решил, что больше не хочешь быть со мной, ты хоть раз подумал о том, чего хочу я?

Он не ответил сразу.

И этого оказалось достаточно.

Эмма кивнула.

— Вот именно.

— Я не хотел решать за тебя.

— Но ты решил за нас обоих.

Джеймс опустил взгляд.

— Прости.

Она отвернулась к окну.

За стеклом снова начинался дождь.

— Я не знаю, смогу ли простить тебя сейчас, — тихо произнесла она. — Но я не хочу всю оставшуюся жизнь злиться на тебя. И не хочу, чтобы ты оставался со мной из чувства вины.

Он стоял неподвижно.

— Я никогда не оставался с тобой из чувства вины.

Эмма повернулась.

— Тогда, возможно, когда-нибудь ты объяснишь мне, когда именно перестал оставаться из любви.

Он ничего не ответил.

Через несколько секунд Джеймс поднялся наверх.

Поздно вечером Эмма сидела в спальне с ноутбуком на коленях.

Она открыла сайт, который показывала себе днём, и снова стала рассматривать фотографии Лиссабона.

Теперь ей хотелось узнать не только о красивых улицах и старых зданиях. Она читала о районах, общественном транспорте, погоде, культурной жизни, смотрела карту и пыталась понять, насколько далеко от центра находится океан.

На одной из фотографий был небольшой ресторан на узкой улице. За столиками сидели люди, разговаривали, смеялись. На стенах висели старые фотографии, а над входом росли цветы.

Эмма представила себя там.

Не женой Джеймса Ричардсона.

Не матерью Оливии и Дэниела.

Не женщиной, которая знает расписание всех членов семьи и помнит, кому нужно купить подарок.

Просто Эммой.

Она закрыла глаза.

Это слово прозвучало внутри почти непривычно.

Когда-то она была Эммой, которая любила искусство, могла провести целый день в музее, покупала билеты на концерты за несколько месяцев до события и мечтала однажды организовать собственный фестиваль.

Она не исчезла.

Просто слишком долго ждала подходящего момента, чтобы снова стать собой.

Эмма открыла календарь и посмотрела на дату.

До предполагаемого начала проекта оставалось шесть недель.

Она не знала, согласится ли Клэр на её условия, устроит ли её работа, сможет ли она оставить дом и привычную жизнь хотя бы на несколько месяцев. Ей предстояло поговорить с детьми, обсудить всё с Джеймсом, разобраться с документами и принять решение, которое не должно было зависеть от чужих ожиданий.

Но сегодня она сделала ещё одну вещь.

Открыла заметки и написала:

«Что я хочу сделать для себя?»

Поначалу список оставался пустым.

Эмма смотрела на экран, пытаясь придумать хотя бы один пункт, который не был бы связан с семьёй.

Потом медленно напечатала:

«Вернуться к работе, которую я любила».

Следом:

«Увидеть Португалию».

Затем:

«Научиться не бояться одиночества».

Она остановилась.

Эта фраза показалась ей самой важной.

Потому что, если быть честной, именно одиночества она боялась больше всего. Не пустого дома, не вечеров без разговоров, не отсутствия привычного человека рядом.

Она боялась остаться наедине с собой и обнаружить, что за все эти годы почти не узнала женщину, которой стала.

Эмма сохранила заметку и закрыла ноутбук.

В соседней комнате тихо работал телевизор. Джеймс, вероятно, смотрел новости. Они всё ещё находились под одной крышей, но между ними уже возникло расстояние, которое нельзя было измерить количеством комнат.

Она легла, выключила свет и долго смотрела в темноту.

Ей предстояло пережить конец одной жизни, прежде чем она сможет понять, как устроить другую.

И, возможно, самым трудным окажется не научиться жить без Джеймса.

Самым трудным будет научиться жить без прежней Эммы — той, которая всегда знала, чего ждут от неё остальные, но почти никогда не спрашивала себя, чего хочет сама.

Впервые за долгое время завтра обещало быть не просто следующим днём.

Завтра у неё был разговор о работе.

И это было её собственное дело.

Глава 3. Билет в другую жизнь

Утро началось с телефонного звонка, которого Эмма ждала и одновременно боялась.

Она проснулась раньше обычного, приняла душ, долго выбирала одежду и в итоге остановилась на светлой блузке и тёмных брюках. Волосы оставила распущенными. На кухне приготовила кофе, но почти не притронулась к нему.

В одиннадцать ей предстояло поговорить с Клэр.

Эмма несколько раз проверила время, хотя до назначенного часа оставалось ещё двадцать минут. Она открыла ноутбук, нашла старые документы, связанные с её прежней работой, и неожиданно для себя обнаружила, что помнит гораздо больше, чем предполагала.

Названия выставочных площадок, имена художников, особенности организации международных мероприятий, контакты людей, с которыми она не общалась много лет.

Когда-то всё это было частью её жизни.

Она даже не заметила, как перестала об этом думать.

Телефон завибрировал ровно в одиннадцать.

— Эмма! — раздался в трубке знакомый голос. — Как же приятно тебя слышать.

— Клэр, привет. Я тоже рада.

— Я надеялась, что ты согласишься поговорить. Честно говоря, когда отправляла письмо, немного сомневалась, что ты ответишь.

— Почему?

— Ты давно не работала с такими проектами. Я не была уверена, что тебе это всё ещё интересно.

Эмма улыбнулась.

— Иногда человек и сам не знает, что ему всё ещё интересно, пока кто-нибудь не напомнит.

Клэр рассмеялась.

— Это очень похоже на тебя. Всегда умела отвечать так, что собеседник начинал задумываться о собственной жизни.

— Надеюсь, это не станет причиной отказаться от моей кандидатуры.

— Напротив. Именно поэтому я тебе и звоню.

Клэр рассказала, что проект получил финансирование от нескольких европейских культурных организаций. Фестиваль планировали провести в Лиссабоне, а отдельные мероприятия организовать в Кашкайше и Синтре. Он должен был объединить современное искусство, музыкальные выступления, дискуссии и образовательную программу для молодых авторов.

Подготовка уже началась, но команда столкнулась с трудностями. Несколько подрядчиков изменили условия сотрудничества, сроки стали сдвигаться, а координация между участниками из разных стран требовала постоянного внимания.

— Нам нужен человек, который умеет видеть весь проект целиком, — объяснила Клэр. — Не только расписание, бюджеты и договоры, но и то, ради чего всё это делается.

Эмма слушала, постепенно забывая о чашке кофе рядом с собой.

Она задавала вопросы о команде, сроках, финансировании, обязанностях. Интересовалась, кто будет отвечать за художественную программу, как распределены полномочия и какие решения ей предстоит принимать самостоятельно.

Клэр отвечала подробно.

— Видишь, — заметила она наконец, — я ещё даже не успела закончить рассказ, а ты уже начала работать.

Эмма рассмеялась.

— Профессиональная привычка.

— Нет, дорогая. Это не привычка. Это то, что ты умеешь делать лучше многих.

Эмма замолчала.

Комплименты не были для неё чем-то необычным. Она слышала их от мужа, коллег, знакомых. Но сейчас слова Клэр прозвучали особенно приятно, потому что касались не внешности, не семейных обязанностей и не умения всё организовать к празднику.

Клэр говорила о ней как о специалисте.

Как о человеке, чьи способности действительно кому-то нужны.

— Скажи мне одну вещь, — произнесла Эмма. — Почему именно я?

На другом конце линии ненадолго стало тихо.

— Потому что я помню твой проект в Манчестере. Помнишь ту выставку молодых фотографов?

— Конечно.

— Тогда у нас сорвался главный спонсор за три недели до открытия. Все были уверены, что мероприятие придётся отменить. А ты за несколько дней нашла нового партнёра, пересобрала бюджет и убедила половину участников не отказываться от своих работ.

— Это было давно.

— Но ты сделала это. И сделала хорошо. Мне нужен именно такой человек.

Эмма почувствовала, как внутри поднимается давно забытое чувство уверенности.

— А что с условиями?

Клэр перешла к конкретике. Контракт предполагал первоначальный срок в четыре месяца с возможностью продления. Организация предоставляла жильё на период проекта, оплачивала перелёт и рабочие расходы. Зарплата была достойной, а обязанности — достаточно широкими, чтобы Эмма могла принимать самостоятельные решения.

— Я хочу, чтобы ты приехала в Лиссабон через шесть недель, — закончила Клэр. — Первые встречи с партнёрами уже назначены. Нам нужно начинать подготовку на месте.

Эмма посмотрела на окно.

Снаружи было пасмурно. По мокрому тротуару шли люди, каждый со своими делами и заботами. Она вдруг подумала, что ещё неделю назад её самым важным планом на ближайшие месяцы было подготовить дом к Рождеству.

— Мне нужно немного времени, — сказала она.

— Конечно. Я не жду ответа прямо сейчас.

— Но предложение мне интересно.

— Я очень надеюсь, что ты согласишься.

Они попрощались, договорившись, что Клэр отправит подробное описание проекта и предварительный вариант контракта.

Когда звонок закончился, Эмма ещё некоторое время сидела неподвижно.

Она ожидала, что почувствует страх.

Но первым пришло воодушевление.

Она открыла ноутбук и стала записывать вопросы, которые хотела задать после изучения документов. Потом нашла старые фотографии своих рабочих проектов. На одной из них стояла молодая Эмма, лет двадцати восьми, рядом с большой выставочной конструкцией. Она улыбалась кому-то за кадром и держала в руках папку с программой мероприятия.

Эмма долго смотрела на фотографию.

Ей захотелось вспомнить, о чём она тогда мечтала.

Не о замужестве, не о детях, не о доме с красивой кухней. Она мечтала о работе, которая позволяла бы ей встречаться с интересными людьми, путешествовать, создавать события, оставляющие после себя нечто большее, чем фотографии в семейном альбоме.

И она действительно любила эту жизнь.

Пока однажды не решила, что должна выбрать что-то другое.

Джеймс вернулся домой около двух часов дня.

Он редко приезжал в это время, поэтому Эмма удивилась, увидев его машину у ворот.

Войдя в кухню, он застал её за ноутбуком. Перед ней лежали распечатанные документы, блокнот и телефон.

— Работаешь? — спросил он.

— Пока только изучаю предложение.

— От Клэр?

Эмма кивнула.

— Мы поговорили. Она прислала подробности.

Джеймс снял пальто и повесил его на спинку стула.

— И как тебе?

— Очень интересно.

— Ты действительно рассматриваешь возможность уехать?

Она закрыла ноутбук.

— Да.

Он сел напротив.

— На четыре месяца?

— Возможно. Пока это предварительные условия.

— А дети?

Эмма почувствовала, как внутри снова появляется напряжение.

— Они уже взрослые, Джеймс.

— Я знаю. Но ты ведь понимаешь, что для них это будет непросто. Особенно сейчас.

— Ты предлагаешь мне остаться дома, потому что мы разводимся?

— Я ничего не предлагаю. Я просто говорю, что нужно подумать обо всех последствиях.

— Я думаю.

Джеймс провёл рукой по волосам.

— Я не хочу, чтобы ты воспринимала моё решение как повод немедленно перевернуть всю свою жизнь.

Эмма посмотрела на него.

— А почему нет?

— Потому что ты можешь пожалеть.

— Могу. Но могу и не пожалеть.

— Эмма, это серьёзная работа в другой стране. Ты давно не занималась подобными проектами.

— Я знаю.

— Там будет совершенно другой ритм. Другие люди. Другие требования.

— Джеймс, я не собираюсь отправляться в неизвестность без подготовки. Я изучу контракт, поговорю с Клэр, выясню все условия.

Он замолчал.

Эмма вдруг поняла, что в его беспокойстве есть нечто большее, чем простое желание уберечь её от ошибки.

Возможно, ему было непривычно видеть, что она принимает решения самостоятельно. Возможно, он всё ещё воспринимал её как часть привычной семейной системы, в которой каждый знал своё место.

И теперь эта система начинала меняться.

— Я не пытаюсь тебя остановить, — произнёс Джеймс.

— Хорошо.

— Просто не хочу, чтобы ты делала что-то назло мне.

Эмма медленно выдохнула.

— А я не хочу, чтобы ты думал, будто всё, что я теперь буду делать, каким-то образом связано с тобой.

Он посмотрел на неё.

— Я понял.

Но по его лицу было видно, что это далось ему не так легко.

Вечером Эмма позвонила Оливии.

Дочь ответила не сразу. На заднем плане слышались голоса и музыка.

— Мам, привет! Я сейчас выйду, здесь шумно.

Через минуту разговор продолжился.

— Что случилось?

— Ничего плохого. Я хотела тебе кое-что рассказать.

— Давай.

— Мне предложили работу в Португалии.

Оливия замолчала.

— В Португалии?

— Да. В Лиссабоне. Это культурный фестиваль, международный проект. Меня приглашают руководить организационной частью.

— Подожди. Ты хочешь туда уехать?

— Пока не знаю. Но предложение серьёзное.

— На сколько?

— Примерно на четыре месяца.

Оливия несколько секунд молчала, а потом неожиданно рассмеялась.

— Мам, это же здорово!

Эмма даже не сразу поняла, что дочь действительно рада.

— Правда?

— Конечно! Ты ведь всегда хотела заниматься такими вещами.

— Я думала, ты будешь против.

— Почему?

— Потому что сейчас и так всё непросто.

Оливия вздохнула.

— Мам, я не хочу, чтобы ты оставалась дома только потому, что у нас с папой всё изменилось.

Эмма почувствовала, как глаза наполняются слезами.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я бросаю семью.

— Ты никого не бросаешь. Мне двадцать лет, я учусь, у меня своя жизнь. Дэниел тоже взрослый. А ты всё ещё говоришь так, словно должна спрашивать разрешения на каждый шаг.

Эмма улыбнулась сквозь слёзы.

— Наверное, я действительно так привыкла.

— Мам, поезжай. Если тебе предложили то, что ты любишь, попробуй. Ты же не обязана всю жизнь быть только мамой и женой.

Эмма закрыла глаза.

Эти слова прозвучали просто, почти буднично. Но именно их ей сейчас не хватало.

— Спасибо, милая.

— Только обещай, что будешь присылать фотографии.

— Обещаю.

— И не покупай мне какую-нибудь ужасную сувенирную вещь.

— Теперь я точно привезу тебе магнит с жёлтым трамваем.

Оливия рассмеялась.

— Я знала, что не стоило тебе говорить.

После разговора Эмма ещё долго улыбалась.

Не все её близкие были готовы к переменам, но, возможно, они тоже нуждались в них.

На следующий день она встретилась с сестрой Джеймса, Кэтрин.

Они договорились пообедать в небольшом ресторане неподалёку от Гайд-парка. Кэтрин уже ждала её за столиком у окна. Перед ней стояла чашка чая, а на спинке стула висело светлое пальто.

— Ты выглядишь уставшей, — сказала она вместо приветствия.

— Спасибо. Очень приятно.

— Я не это имела в виду.

Эмма улыбнулась и села напротив.

Кэтрин была старше Джеймса на три года. У неё было двое детей, собственный небольшой бизнес и удивительная способность говорить прямо, не стараясь смягчить неприятные вещи.

Они никогда не были особенно близки, но за годы семейной жизни научились доверять друг другу.

— Джеймс мне рассказал, — произнесла Кэтрин.

Эмма посмотрела на неё.

— Что именно?

— Что вы решили расстаться.

— Пока мы только пытаемся понять, как всё будет дальше.

— Он сказал, что это его решение.

Эмма опустила глаза.

— Да.

Кэтрин некоторое время молчала.

— Мне жаль.

— Спасибо.

— Но, если честно, я не совсем удивлена.

Эмма подняла голову.

— Почему?

— Я давно замечала, что вы перестали быть парой. Вы были хорошей семьёй, но почти никогда не выглядели людьми, которым хочется остаться наедине друг с другом.

Эмма почувствовала неловкость.

— Наверное, мы просто привыкли.

— Именно. А привычка иногда очень похожа на счастье, пока не начинаешь задавать себе вопросы.

Официант принёс меню. Они сделали заказ и некоторое время говорили о детях Кэтрин, работе и предстоящих праздниках.

Но вскоре разговор снова вернулся к Эмме.

— И что ты собираешься делать? — спросила Кэтрин.

— Мне предложили работу в Лиссабоне.

— Серьёзно?

— Да.

Кэтрин откинулась на спинку стула.

— Вот это уже интересно.

— Ты считаешь, что я должна согласиться?

— Я считаю, что ты должна хотя бы попробовать понять, чего хочешь сама. Не спрашивать Джеймса, не советоваться с детьми, не думать о том, как это будет выглядеть со стороны. Просто ответить себе.

Эмма усмехнулась.

— Все сегодня говорят мне одно и то же.

— Значит, пора прислушаться.

Кэтрин отпила чай.

— Знаешь, я иногда завидовала тебе.

— Мне?

— Да. Твоему дому, семье, спокойствию. Ты всегда казалась человеком, у которого всё устроено. А теперь я думаю, что, возможно, ты просто очень хорошо умела поддерживать эту картину.

Эмма не ответила.

— Я не хочу говорить о Джеймсе плохо, — продолжила Кэтрин. — Он мой брат. Я люблю его. Но иногда люди так привыкают к тому, что рядом с ними кто-то есть, что перестают замечать, сколько усилий другой человек тратит на сохранение их общего мира.

Эмма смотрела на сестру мужа и впервые почувствовала, что ей не нужно оправдывать своё состояние.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она.

— И не должна знать.

Кэтрин накрыла её ладонь своей.

— Только не соглашайся на жизнь, которая тебе больше не подходит, исключительно потому, что она уже знакома.

Через неделю Эмма получила окончательный вариант контракта.

Она изучала его несколько вечеров подряд, задавала вопросы Клэр, уточняла детали проживания и рабочего графика. Постепенно из абстрактного предложения работа превращалась в реальный план.

Оставалось принять решение.

В четверг вечером она сидела в кабинете, когда Джеймс вошёл без стука.

— Ты всё-таки решила?

Эмма закрыла документы.

— Да.

Он остановился возле двери.

— И?

— Я согласилась.

Джеймс несколько секунд смотрел на неё.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Когда уезжаешь?

— Через шесть недель.

Он кивнул.

— Значит, ты действительно будешь жить там несколько месяцев.

— Да.

— Одна?

— Да, Джеймс. Одна.

Он провёл ладонью по затылку.

— Я не ожидал, что ты так быстро решишься.

— Для меня это тоже неожиданно.

— Ты уверена, что справишься?

Эмма улыбнулась.

— Не знаю. Но хочу попробовать.

Джеймс опустил глаза на бумаги.

— Наверное, это хорошо.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Ты ведь давно хотела вернуться к работе.

Эмма почувствовала лёгкую грусть. Когда-то ей очень хотелось услышать от него именно эти слова. Не в связи с разводом, не в качестве вежливого одобрения, а просто потому, что он видел её желания и считал их важными.

— Я рада, что ты понимаешь, — произнесла она.

Джеймс кивнул и вышел.

Эмма осталась в кабинете одна.

На экране ноутбука было открыто письмо от Клэр. Внизу стояла подпись, подтверждающая её согласие на условия контракта.

Теперь всё было официально.

Через шесть недель она уедет из Лондона.

Она не знала, что ждёт её в Португалии. Не знала, насколько трудной окажется работа, как сложатся отношения с новой командой и сможет ли она привыкнуть к жизни в незнакомом городе.

Но впервые за много лет неизвестность не казалась ей исключительно угрозой.

В ту ночь Эмма достала из шкафа большой дорожный чемодан.

Он стоял на верхней полке, покрытый тонким слоем пыли. Последний раз она пользовалась им во время семейной поездки в Италию, почти два года назад.

Она поставила чемодан на кровать и открыла.

Внутри лежали старые дорожные бирки, маленький пакет с запасными пуговицами и забытая косметичка.

Эмма провела ладонью по внутренней подкладке.

Смешно, но чемодан казался ей сейчас почти символом чего-то нового.

Она ещё не знала, какие вещи возьмёт с собой. Не знала, сколько платьев ей понадобится, стоит ли покупать удобную обувь для прогулок по городу и какую книгу положить в ручную кладь.

Но она уже представляла, как будет закрывать этот чемодан перед отъездом.

Представляла аэропорт, объявление о посадке, самолёт, который поднимется над облаками, и незнакомый город, который станет её домом хотя бы на несколько месяцев.

Эмма подошла к окну.

Внизу, на улице, горели фонари. В соседнем доме кто-то зажёг свет в гостиной. За занавеской двигались силуэты людей, вероятно, готовившихся ко сну.

Она подумала о Джеймсе.

О двадцати годах, которые они прожили вместе. О детях. О доме, который больше не будет прежним. О том, что однажды, возможно, они смогут спокойно сидеть за одним столом и вспоминать прошлое без боли.

Но сегодня она не хотела думать о том, что потеряла.

Она хотела думать о том, что ещё может обрести.

На прикроватной тумбочке лежал телефон. Эмма открыла карту Лиссабона и нашла район, в котором ей предложили временную квартиру.

Поблизости были небольшие магазины, кафе, парк и остановка трамвая.

Она приблизила изображение улицы.

Старые здания стояли вплотную друг к другу, их фасады были украшены плиткой, а на некоторых балконах виднелись цветы. В конце улицы угадывалась река.

Эмма долго смотрела на экран.

Впервые слово «одна» не казалось ей синонимом слова «брошенная».

Возможно, она действительно уедет одна.

Но это не означало, что она будет одинокой.

Она выключила телефон, закрыла чемодан и поставила его возле шкафа.

До отъезда оставалось сорок два дня.

И теперь каждый из них принадлежал не только прошлой жизни, но и той, которую Эмма впервые за долгое время выбирала сама.

Глава 4. Город, который не задавал вопросов

За шесть недель можно привыкнуть к мысли, что жизнь меняется. Но гораздо труднее привыкнуть к тому, что однажды утром ты действительно просыпаешься в другой жизни.

Последние дни в Лондоне прошли почти незаметно. Они растворились в списках, телефонных разговорах, документах и коробках, которые постепенно занимали свободное пространство в доме. Эмма разбирала шкафы, складывала книги, отдавала вещи, которыми давно не пользовалась, и с удивлением обнаруживала, как много предметов хранила только потому, что когда-то они были частью их общей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.